

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-6-13
УДК 316.77(045)

Социальные медиа – инструменты социально-политической дестабилизации общества: уроки, тенденции, перспективы

В.Ш. Сургуладзе

Аналитическая группа «С.Т.К.», Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7948-0128>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются этапы информационного противоборства в социальных сетях, направленные на трансформацию протестной активности из виртуальной среды в реальную жизнь в виде уличных акций и практических действий по изменению сложившегося социально-политического положения. Одной из ключевых угроз социальных медиа для социально-политической стабильности общества автор считает сопутствующие их стремительному развитию попытки оказывать с их помощью влияние на изменения коллективной психологии, мотивации и поведения граждан. Автор приводит примеры спайки IT-индустрии и государственных структур США, сотрудничество которых предоставляет Соединенным Штатам беспрецедентные возможности влияния на глобальную информационную среду, и анализирует опыт и методологию политической мобилизации масс в социальных сетях во время событий Facebook-революции в 2010–2011 гг. в Египте. На основании осмысления имеющегося опыта автор выделяет этапы и методы перестроения виртуальной протестной активности в реальную, а также выявляет биографические особенности лидеров сетевых протестных движений и предлагает меры по противодействию информационным угрозам социальных медиа. По мнению автора, одним из наиболее действенных механизмов противодействия угрозам социальных медиа является реализация комплексной государственной политики идентичности, сфокусированной на поддержании и развитии сложившихся опорных точек консенсусного коллективного национального самосознания общества.

Ключевые слова: социальные сети; социальные медиа; информационная безопасность; киберсреда; методология мобилизации масс в социальных сетях; политическая психология; информационная политика; политика идентичности; ценностный суверенитет; информационное противоборство

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. Социальные медиа – инструмент социально-политической дестабилизации общества: уроки, тенденции, перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-6-13

ORIGINAL PAPER

Social Media as a Tool of Socio-Political Destabilisation of Society: Lessons, Trends, Prospects

V. Sh. Surguladze

“S.T.C.” Analytical group, Leading expert, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7948-0128>

ABSTRACT

The article analyses the stages of information confrontation in social networks aimed at transforming protest activity from a virtual space into real life in the form of street actions and practical actions to change the current socio-political situation. The author considers one of the critical threats of social media to the socio-political stability of society the attempts of using them to influence changes in the collective psychology, motivation and behaviour of citizens. The author gives examples of the IT industry and government agencies of the United States, whose cooperation provides the United States with unprecedented opportunities to influence the global information space and analyses the experience and methodology

of political mobilisation of the masses in social networks during the events of the Facebook revolution in Egypt 2010–2011. Based on the understanding of the real experience, the author identifies the stages and methods of reformatting virtual protest activity in the real one, as well as identifies the biographical features of the leaders of online protest movements and proposes measures to counteract the information threats of social media. According to the author, one of the most effective mechanisms to counter the threats of social media is the implementation of a comprehensive state identity policy focused on maintaining and developing the existing pivot points of the consensus collective national identity of the society.

Keywords: social networks; social media; information security; cyberspace; the methodology of mass mobilisation in social networks; political psychology; information policy; identity policy; value sovereignty; information confrontation

For citation: Surguladze V. Sh. Social media as a tool of socio-political destabilisation of society: Lessons, trends, prospects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-6-13

ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ – ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ

Интернет на практике оказывается не столь очевидным инструментом поиска информации и уже не воспринимается как открытое пространство для свободного общения, так как интернет-технологии подгоняют реальность под конкретного пользователя, анализируя предшествующую историю его поведения в глобальной Сети. Нагляднее всего данная тенденция проявляется в целевой сегментированной рекламе. Все чаще фиксируются факты манипулирования социальными сетями поведением пользователей. В 2009 г. Facebook был запущен проект под названием «Индекс валового счастья» (Gross Happiness Index), с помощью которого осуществлялась попытка измерения настроения пользователей социальной сети путем анализа публикуемых ими слов и фраз. В 2012 г. компания целенаправленно меняла содержание новостных лент для 70 000 пользователей с целью анализа эффективности воздействия на их настроение [1].

СПАЙКА IT-БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР США

Социальные сети эксплуатируют персональные данные о пользователях и заинтересованы в максимально глубоком анализе их профилей, позволяющем без их ведома и согласия продавать целевую аудиторию рекламодателям и не только. За счет продвижения наиболее популярных публикаций с бесконечным дублированием информации снижается разнообразие формируемой Интернетом информационной среды. При этом наблюдается тенденция симбиоза социальных медиа и спецслужб. Утечки о данном процессе давно проникают в открытую печать — не только в прессу, но и в специальные издания монографического характера. Однако несомненным фактом данное взаимодействие стало после того, как о связи государственных структур и глобальных социальных

сетей стали писать представители американского истеблишмента.

Так, в бытность Х. Клинтон государственным секретарем США в американском внешнеполитическом ведомстве в рамках управления связей с общественностью было учреждено подразделение цифровых технологий, в задачи которого входит работа с социальными медиа [2, с. 679–680]. В мемуарах Х. Клинтон особый интерес вызывают упоминания об организации Госдепартаментом США курсов для оппозиционеров, в которых принимали участие руководители Twitter, Facebook, Microsoft и Skype.

В рамках этих семинаров политическим оппонентам правительств иностранных государств давали рекомендации, как в кризисных ситуациях в режиме реального времени составлять карты митингов и разгона демонстраций. Описывая данные мероприятия по подготовке подрывной деятельности в иностранных государствах, Х. Клинтон вспоминает: «Мы работали <...> над созданием новых приложений и устройств, таких как тревожная кнопка на телефоне: протестующий мог нажать ее при аресте, дав сигнал своим друзьям и одновременно стерев из памяти все личные контакты» [2, с. 678].

В понимании Х. Клинтон «жесткая», «мягкая», «умная» сила — инструменты внешней политики, используемые наравне с «намеренным и при этом очень эффективным введением в заблуждение» [2, с. 159]. Одну из основных задач, стоящих перед Госдепартаментом, экс-глава американского внешнеполитического ведомства видит в интеграции глобальной коммуникационной стратегии в концепцию «мягкой силы» во всех ее проявлениях [2, с. 229], в том числе с целью «поощрять маргинальные группы к участию в политической деятельности» [2, с. 54].

Взаимодействие государственных структур США с частными корпорациями — лидерами

информационной сетевой экономики является важнейшим аспектом американской мощи в информационном и киберпространстве.

Прежде всего в данной связи интересна система сбора данных PRISM, благодаря которой АНБ (National Security Agency) получало от американских корпораций массив электронных писем и другой информации о пользователях сети Интернет. Американский специалист в области информационных технологий, автор книги «Кибервойна: пятый театр военных действий» Ш. Харрис пишет: «Первой компанией, вошедшей в программу PRISM, стала Microsoft. Это произошло 11 сентября 2007 г. Yahoo присоединилась в марте следующего года. За последующие четыре года в список программы PRISM вошли крупнейшие игроки американского бизнеса, в том числе Google, Facebook, YouTube и Apple» [3]. В 2015 г. корпорация Google заявляла, что ее почтовым сервисом пользуются 425 млн человек. Сопоставимые цифры озвучивались и другими корпорациями-гигантами IT-сектора США. Так, например, в соответствии с сообщением Microsoft почтовой системой Outlook пользовались 420 млн человек. В момент присоединения в 2012 г. к программе PRISM, представители Apple заявляли о 250 млн проданных смартфонов iPhone. Указанные данные демонстрируют гигантские объемы информации, которыми оперируют глобальные, контролируемые США корпорации и американские спецслужбы [4, 5].

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ МАСС В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ЭТАПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕТОКА ПРОТЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ИЗ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА В РЕАЛЬНЫЙ (НА ПРИМЕРЕ FACEBOOK-РЕВОЛЮЦИИ 2010–2011 ГГ. В ЕГИПТЕ)

Массовая мобилизация в социальных сетях напрямую связана с современными достижениями политической и социальной психологии, социологии и маркетинговых коммуникаций. Современные навыки интернет-продвижения продукции и продаж, значительный накопленный опыт изучения и манипулирования поведением потребителей, развитие как теоретической, так и практической психологии, технологий информационного воздействия на аудиторию [6] и новых технических возможностей [7] делают социальные медиа эффективной площадкой для продвижения таких «товаров» как «демократия» и «свобода». Примечательно в данной связи, что Ваэль Гоним, лидер цифрового крыла революции в Египте 2010–2011 гг., в своей

работе «Революция 2.0» [8] подчеркивает тот факт, что именно маркетинговые теории имели ключевое значение не только для его карьеры в Google, но и для успешного свержения режима Хосни Мубарака.

Анализ Facebook-революций позволяет выявить методологию использования социальных сетей для вывода на улицы сотен тысяч людей с целью социально-политической дестабилизации и ниспровержения десятилетиями существовавших политических режимов.

Отправной точкой для начала информационной войны, реализуемой при помощи современных сетевых интернет-технологий, является использование соответствующего информационного повода. В случае революции в Египте таким поводом стало убийство в июле 2010 г. 28-летнего Халеда Саида, после которого в Facebook была создана страница «Куллена Халед Саид» («Каждый из нас Халед Саид»). За три месяца продвижения страница, посвященная убийству Халеда Саида, привлекла 250 тыс. подписчиков.

Для успешного продвижения политической идеологии в социальных сетях важно наличие интернет-ресурсов, пользующихся относительным доверием аудитории и имеющих сложившееся ядро сторонников. В случае с революцией в Египте такой основой для завоевания аудитории было продвижение интернет-портала IslamWay.com, который стал одним из наиболее популярных ресурсов.

Можно выделить четыре этапа информационной борьбы в социальных сетях, которые создают условия для перетока протестных действий из виртуального мира в реальный.

Первый этап. Убеждение людей присоединяться к странице, посвященной протестной тематике, и читать появляющиеся на ней записи.

Второй этап. Подталкивание аудитории к взаимодействию с имеющимся на странице контентом — оценка размещаемых материалов посредством «лайков» и комментариев.

Третий этап. Вовлечение аудитории в онлайн-акции страницы и размещение на ней поставляемого участниками группы контента.

Четвертый этап. Трансформация виртуального вовлечения в реальные действия — выход людей на улицы.

Указанные этапы воздействия на аудиторию социальных сетей в значительной степени ориентированы на постепенное преодоление барьеров страха. Основная задача действий модераторов социальной группы заключается в том, чтобы вывести людей из сферы интернет-баталлий в реальный мир уличного противостояния.

На практике методология подготовки людей к участию в массовых акциях в случае революции в Египте состояла из ряда действий, которые с точки зрения подготовки революционных преобразований являются достаточно универсальными. Похожие методы применялись и во время событий других «цветных» революций.

МЕТОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В УЛИЧНЫЕ АКЦИИ

1. Акция по выкладыванию на страницах пользователей Facebook фотографий с символами солидарности. В египетском случае таким символом был листок бумаги с надписью «Куллена Халед Саид».

2. Постепенный переход в режим работы «в реале»: мобилизация подписчиков на обзвон телевизионных ток-шоу с тем, чтобы перенести вопрос в плоскость освещения традиционных СМИ с большим охватом аудитории.

3. Организация акций пассивного массового действия «в реале», на которых все участники одеты в одежду одного цвета (либо имеют хорошо различимую одинаковую символику), не принимают никаких активных действий, однако всем своим видом демонстрируют солидарность между собой. Во время революционных событий в Египте данный метод ненасильственных действий выглядел как немое стояние в молитве за мученика Халеда Саида на набережной Александрии, все участники были одеты в черное и читали религиозную литературу либо слушали музыку через наушники.

Акции «в реале» повышают уровень интерактивности среди интернет-аудитории, подстегивают интерес среди тех, кто не является пользователями сервисов Facebook. География «немых стояний» может расширяться исходя из пожеланий организаторов.

4. Пропаганда в молодежной среде моды на протест, формирование у участников акций имиджа «модных», «правильных», «передовых» с тем, чтобы у членов группы, не участвовавших в акциях, формировалось представление о себе как «немодных» и «непередовых». Создание ажиотажа вокруг реализованных на улицах акций интернет-сообщества с целью привлечения новых участников на аналогичные мероприятия в будущем. Представление уличных акций в привлекательной для прогрессивной молодежи форме, чтобы те, кто не вышел на первые акции, пришел на

последующие мероприятия, позавидовав другим участникам.

5. Постоянное поддержание интереса аудитории, одним из вариантов которого является проведение опросов среди участников интернет-сообщества, позволяющее лучше координировать общие усилия, поддерживать «дух демократии участия», а также повышать самооценку участников. Основной принцип — вовлекать читателей и поддерживать их самооценку. Самолюбию читателей и авторов комментариев интернет-сообществ льстит, когда их контент обсуждают тысячи людей. В этих условиях перед модераторами стоит задача сделать революцию в сети частью самореализации и самоутверждения личности.

Для более активного вовлечения аудитории создаются новые сайты, на которых выкладываются материалы участников сетевого общения, позволяющие раскрывать их творческий потенциал и использовать его в целях расширения революционного движения. Во время революции в Египте таким сайтом стал ресурс www.elshaheeed.org, посвященный творчеству подписчиков основной страницы в Facebook — поэзии, статьям, агитационным роликам, тематическим картинкам, мемам и т.д. В таком контексте человек, который до этого был представителем «офисного планктона», клерком, начинает воспринимать себя борцом, революционером, участником борьбы с режимом и вырастает в собственных глазах. Участниками сетевой активности во время революционных событий в Египте были преимущественно представители городского среднего класса. Более 81% респондентов созданной Ваэлем Гонимом страницы были моложе 30 лет, из них больше половины — в возрасте 17–24 лет.

6. Организация постоянно действующего источника напряжения и информационных поводов «в реале». Таким источником была каирская площадь Тахрир, постоянно генерировавшая нужную картинку для западных информационных агентств, выдвигавшая новые лозунги и проводившая всевозможные акции по методологии Джина Шарпа (например, сидячие демонстрации) [9–10]. Интересен в данном отношении и опыт гражданского неповиновения в Индии в период борьбы за независимость от британского владычества [11–13].

7. Наполнение существующих «красных» дней календаря «революционным» содержанием. В случае Египта таким днем стало 25 января — Национальный день полиции. Попытки деморализовать и перетянуть на свою сторону полицию заключались в раздаче цветов полицейским и скан-

дировании лозунгов, прославляющих единство полиции и народа.

8. Информационное воздействие на армию с целью противопоставления вооруженных сил другим службам государственной безопасности, раскола силового блока правящего режима. Основной мыслью пропаганды является подчеркивание единства армии и народа. Задача в данном случае состоит в предотвращении включения армии в революционный процесс на стороне властей.

9. Использование уже имеющихся традиционных институтов, в деятельность которых вовлечены большие массы граждан, для пропаганды революционных идей. В Египте такими институтами оказались мечети и пятничная молитва. В результате, по всей стране после пятничной молитвы люди шли к центральным площадям.

Здесь уместно вспомнить о «доцифровых» традициях революционной борьбы, опирающейся на религиозные структуры. Лев Троцкий вспоминал в своей автобиографии [14], что именно религиозные кружки часто становились для многих коротким промежуточным этапом на революционном пути. Еще раньше большевиков психологическую связь между верой, религиозными формами и готовностью усваивать новые социальные идеи обнаружили ходившие в народ интеллигенты второй половины XIX столетия, основным орудием пропаганды которых среди рабочих и крестьян были библейские параллели, иносказания, народные сказки и притчи. О притчевом методе пропаганды сложных социально-политических теорий среди неподготовленной аудитории вспоминал в своих мемуарах Петр Кропоткин [15]. В середине XIX в. религиозно-сектантские формы, способствующие революционной мобилизации масс, обнаружил во Франции и Германии Михаил Бакунин: «Секты сии, ничтожные сами в себе, были важны тем, что они переводили на религиозный, т.е. на народный, язык современные понятия и требования. Они не могли иметь большого влияния на образованные классы, но зато действовали на воображение масс, всегда более склонных к религиозному фанатизму» [16].

10. Интернационализация проблемы: создание интернет-страниц и групп поддержки активистов в других странах. В случае революции в Египте такие страницы в поддержку протестующих создавались в Тунисе, Йемене и других мусульманских государствах. В рамках интернационализации конфликта осуществляется вовлечение в пропагандистскую работу представителей диаспоры за

рубежом. Качественно новым витком интернационализации является вовлечение в революционный процесс западных некоммерческих организаций, например, «Международной амнистии» и аналогичных «правозащитных» организаций, а также заявления и публичные оценки происходящих событий внешнеполитическими ведомствами, лидерами, ведущими политиками и общественными деятелями зарубежных государств.

11. Постепенный переход от массовых акций к петициям и сформулированным политическим требованиям к властям.

12. Вовлечение в ряды протестующих радикальных элементов, политических группировок и активистов с опытом уличного противодействия силам государственной безопасности из социальных сетей вроде Facebook. В зависимости от конкретной страны к радикальным группам относятся военизированные формирования политических партий, политически или религиозно мотивированные радикалы, сообщества футбольных болельщиков и другие активные группы. На данном этапе политической мобилизации масс, благодаря планомерному снижению барьеров страха у не имеющих опыта уличных протестов участников революционного процесса появляется жажда конфронтации. Виртуальные акции и пассивные формы протеста заменяются активным выражением недовольства, включающим скандирование лозунгов и политических требований, адресованных властям. Таким путем под прикрытием мирной и бесконфликтной риторики постепенно разжигается открытое противостояние властям.

Потенциальной целевой аудиторией, на которую может оказываться информационное воздействие средствами социальных медиа для вывода на улицы, являются сообщества геймеров. Рост популярности симуляторов, разработанных для военных, подчас провоцирует отнюдь не виртуальную агрессию, которая усиливается от подобных игр как у детей, так и у взрослых. Психологи Ф. Зимбардо и Н. Коломбе отмечают, что мозг игрока мимикрирует под выбранный игровой персонаж, особенно если этот персонаж визуализирован [17]. В результате мозг начинает проецировать образ действий этого персонажа на окружающий мир.

Социальные сети Instagram, Facebook, Twitter и т.д. размывают понимание человеком его реального места в мире и обществе, создавая иллюзию востребованности и славы, влияют на поведение и восприятие действительности. При

этом глобальная Сеть позволяет раскрываться интровертам. Люди, неготовые в реальной жизни отстаивать свою точку зрения на происходящие события, в Интернете могут проявлять себя в качестве активных экстравертов, внося тем самым вклад в распространение протестных настроений.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИДЕРОВ СЕТЕВЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

При анализе закономерностей развития «Революций 2.0» обращают на себя внимание характерные особенности жизненного пути «революционеров»: в их биографиях, как правило, «присутствует» американское либо иное иностранное высшее учебное заведение, работа в международных организациях либо транснациональных компаниях, проживание за границей, либо наличие родственников (часто супругов) — граждан других государств. В случае революции в Египте сходятся все факторы биографии Ваэля Гонима — обучение в Американском университете в Каире (который виртуоз сетевого маркетинга и позиционирования закончил со степенью магистра делового администрирования в области маркетинга и финансов), опыт проживания в Соединенных Штатах, супруга — гражданка США и как ключевой фактор, характеризующий его идеологические приоритеты, профессиональные навыки и практические возможности, — работа в Google в качестве директора по маркетингу на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Закономерно, что лидеры «оранжевой революции» и Майдана на Украине, «революции роз» в Грузии, а также представители белоленточного движения в России имеют много общего в своих биографиях [18, 19].

Указанные особенности биографий лидеров Facebook-революций дают основания считать их представителями агентуры зарубежных специальных служб. В случае революции в Египте обращает на себя внимание тот факт, что большая часть организационной и информационно-идеологической работы, проводившейся Ваэлем Гонимом в Сети осуществлялась с территории ОАЭ, в Египет он приехал на сравнительно небольшой отрезок времени, когда взбудораженные пропагандой массы уже стали выходить на улицы.

МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ УГРОЗАМ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Опыт революций Facebook свидетельствует о том, что для противодействия подобным угрозам эф-

фективны превентивные и профилактические меры. Одной из фатальных ошибок египетского режима стало отключение утром 28 января 2011 г. всех систем связи в стране. В результате этих действий прекратили работу мобильные операторы связи и провайдеры Интернета. Однако предпринятые меры вместо нормализации положения привели к интенсификации протестных настроений, так как в результате отключения связи даже не знавшие о происходящих событиях граждане поняли, что в государстве происходят какие-то опасные процессы. Многократно возрос приток на улицы людей, пытавшихся выяснить, что происходит. В надежде перехватить инициативу, египетские власти лишили лицензии телеканал «Аль-Джазира» и отменили поезда, следовавшие на Каир. Однако указанные меры также оказались неэффективными.

Важным, но запоздалым эпизодом египетской революции стало телеобращение Хосни Мубарака, которое можно рассматривать как слишком поздно предпринятую попытку активного вступления в информационное противоборство с протестующими. Речь президента произвела глубокое впечатление и вызвала раскол поколений. Благодаря этой речи удалось заставить многих задуматься о целесообразности революционных перемен. Однако на данном этапе развития событий попытка перехватить информационную повестку дня оказалась неэффективной.

Это обращение демонстрирует, насколько важной может быть роль личности в истории. Если лидер государства обладает авторитетом, то у него всегда есть возможность обращения к нации напрямую, минуя ненавидимый народом бюрократический аппарат. В случае революции в Египте обращение явно запоздало и сопровождалось предшествовавшими ему неудачными кадровыми перестановками в правительстве, которые не могли удовлетворить общество.

Самым важным упущением египетских властей было отсутствие продуманной работы в социальных сетях и киберсреде, отсутствие разработанных планов реагирования на соответствующие угрозы, их предотвращение и локализацию.

Опыт «арабской весны» и других Facebook-революций свидетельствует о том, что для предотвращения развития сценариев социально-политической дестабилизации при помощи социальных сетей необходима скоординированная, планомерная системная работа соответствующих государственных структур:

1. Постоянный мониторинг и контроль информационной среды, выявление и анализ антиправительственной деятельности в социальных медиа.

2. Своевременное принятие необходимых контрмер, среди которых: а) блокировка социальных сетей либо отдельных сегментов сети Интернет средствами всего арсенала доступных методов реагирования в киберсреде; б) контрпропагандистские информационные акции; в) создание в социальных сетях альтернативных групп, члены которых готовы отстаивать законный конституционный порядок.

Однако наиболее действенным способом противодействия информационным угрозам является реализация комплексной государственной политики идентичности, направленной на поддержание, развитие и укрепление ключевых опорных точек национального самосознания в его гражданско-правовом понимании, консолидирующих общество и обеспечивающих его ценностный суверенитет, одним из основных проявлений которого выступает резистентность по отношению к внешнему

навязыванию ценностных оценок и моделей поведения [20–22].

Постоянный мониторинг и контроль информационной среды необходим для выявления и анализа потенциальных возможностей и готовности внешнеполитических акторов (и прежде всего США, как страны, обладающей глобальным доминированием в информационной и киберсреде) использовать имеющийся протестный потенциал для дестабилизации социально-политической ситуации в других государствах.

Подводя итог, можно констатировать, что противоборство в информационном и киберпространстве будет только нарастать. В то же время можно отметить и другую тенденцию. Постепенно накапливается опыт негативных последствий информационной и киберагрессии, ее механизмов и особенностей. Этот опыт позволяет предвидеть возможные угрозы и предотвращать их. В частности, есть основания полагать, что опыт «арабской весны» и «цветных» революций достаточно изучен, вследствие чего попытки повторения подобных сценариев в будущем будут делом более сложным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кин Э. Ничего личного. Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные. М.: Альпина Паблишер; 2016. 224 с.
2. Клинтон Х.Р. Тяжелые времена. М.: Эксмо; 2016. 736 с.
3. Харрис Ш. Кибервойн@: пятый театр военных действий. М.: Альпина нон-фикшн; 2016. 389 с.
4. Левин Я. Интернет как оружие. Что скрывают Google, Tor и ЦРУ. М.: Individuum; 2019. 360 с.
5. Snowden E. Edward Snowden: Permanent Record. London: MacMillan; 2019. 352 p.
6. Шатилов А.Б. «Мягкие» технологии российской власти по профилактике и нейтрализации экстремистских проявлений в молодежной среде в 2000–2010-е годы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;1(37):32–37.
7. Туровский Д. Вторжение: краткая история русских хакеров. М.: Individuum; 2019. 304 с.
8. Гоним В. Революция 2.0: Документальный роман. СПб.: Лениздат; Команда А; 2012. 352 с.
9. Sharp G. From dictatorship to democracy. A conceptual framework for liberation. 4th U.S. edition. Boston: Albert Einstein Institution; 2010. 102 p.
10. Sharp G. The 198 methods of nonviolent action. Boston: Albert Einstein Institution; 2014. 2 p.
11. Ганди М.К. Моя жизнь. М.: Наука; 1969. 612 с.
12. Неру Дж. Автобиография. М.: Издательство иностранной литературы; 1955. 656 с.
13. Жордис К. Махатма Ганди. М.: Молодая гвардия; Полимпсест; 2013. 327 с.
14. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: ВАГРИУС; 2001. 572 с.
15. Кропоткин П.А. Записки революционера. СПб.: Азбука; 2011. 380 с.
16. Бакунин М. Исповедь. СПб.: Азбука-классика; 2010. 253 с.
17. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве. М.: Альпина Паблишер; 2017. 342 с.
18. Roelofs S.E. The first lady of Georgia: The story of an idealist. Tbilisi: Cezanne; 2010. 291 p.
19. Сургуладзе В.Ш. Опыт западных научно-образовательных структур по формированию лояльных кадров из числа прошедших стажировку иностранцев. *Проблемы национальной стратегии*. 2015;6(33):82–99.
20. Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика. Фролова Н.А., ред. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.»; 2019. 400 с.

21. Сургунладзе В.Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.»; 2019. 652 с.
22. Патриотическое воспитание молодежи в Российской Федерации: состояние, актуальные проблемы и направления развития. В.Г. Елизаров, сост. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; 2015. 207 с.

REFERENCES

1. Kin E. Nothing personal. *How social networks, search engines and intelligence agencies use our data*. Moscow: Al'pina Publisher; 2016. 224 p. (In Russ.).
2. Klinton H.R. Hard times. Moscow: Eksmo; 2016. 736 p. (In Russ.).
3. Harris Sh. Cyberwar: fifth theatre of military operations. Moscow: Al'pina Non-fikshn; 2016. 389 p. (In Russ.).
4. Levin Ya. Internet as a weapon. What Google, Tor and the CIA are hiding. Moscow: Individuum; 2019. 360 p. (In Russ.).
5. Snowden E. Edward Snowden: Permanent Record. London: MacMillan; 2019. 352 p.
6. Shatilov A.B. "Soft" technologies of the Russian authorities on prevention and neutralisation of extremist's manifestations in the youth environment in 2000–2010. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;1(37):32–37. (In Russ.).
7. Turovskij D. Invasion: a brief history of Russian hackers. Moscow: Individuum; 2019. 304 p. (In Russ.).
8. Gonim V. Revolution 2.0: a documentary novel. St. Petersburg: Izdatel'skaya gruppa «Lenizdat», «Komanda A»; 2012. 352 p. (In Russ.).
9. Sharp G. From dictatorship to democracy. A conceptual framework for liberation. 4th U.S. edition. Boston: Albert Einstein Institution; 2010. 102 p.
10. Sharp G. The 198 methods of nonviolent action. Boston: Albert Einstein Institution; 2014.
11. Gandi M.K. My life. Moscow: Nauka; 1969. 612 p. (In Russ.).
12. Neru Dzh. Autobiography. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury; 1955. 656 p. (In Russ.).
13. Zhordis K. Mahatma Gandhi. Moscow: Molodaya gvardiya; 2013. 327 p. (In Russ.).
14. Trockij L.D. My life. Moscow: VAGRIUS; 2001. 572 p. (In Russ.).
15. Kropotkin P.A. Memoirs of a revolutionist. St. Petersburg: Azbuka; 2011. 380 p. (In Russ.).
16. Bakunin M. Confession. St. Petersburg: Azbuka-klassika; 2010. 253 p. (In Russ.).
17. Zimbardo F., Kolombe N. Man interrupted. Moscow: Al'pina Publisher; 2017. 342 p. (In Russ.).
18. Roelofs S.E. The first lady of Georgia: The story of an idealist. Tbilisi: Cezanne; 2010. 291 p.
19. Surguladze V. Sh. The experience of Western academic and educational structures in the formation of loyal cadres from foreign trainees. *Problemy nacional'noj strategii*. 2015;6(33):82–99. (In Russ.).
20. Surguladze V. Sh. Identity politics in the realities of national security: strategy, theory, practice. Frolova N.A., ed. Moscow: Analiticheskaya gruppa «S.T.K.»; 2019. 400 p. (In Russ.).
21. Surguladze V. Sh. World politics in the mirror of modern political science analysis: political processes, identity politics, strategy and technology. Moscow: Analiticheskaya gruppa «S.T.K.»; 2019. 652 p. (In Russ.).
22. Patriotic education of youth in the Russian Federation: state, actual problems and directions of development. Elizarov V.G., ed. Moscow: Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii; 2015. 207 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вахтанг Шотович Сургунладзе — кандидат философских наук, ведущий эксперт аналитической группы «С.Т.К.», Москва, Россия
bafing@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vakhtang Sh. Surguladze — Candidate of Philosophy, "S.T.C." Analytical group, Leading expert, Moscow, Russia
bafing@mail.ru

Статья поступила 20.11.2019; принята к публикации 10.12.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2019; accepted for publication on 10.12.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.